

УДК 82-141

doi: 10.18101/1994-0866-2017-6-158-162

**СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА:
ОПЫТ РЕЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА С. ЕСЕНИНА**© *Хазанкович Юлия Геннадьевна*

доктор филологических наук, профессор,

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

Россия, 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 46

E-mail: hazankovich33@mail.ru

Проблема рецепции творчества С. Есенина рассматривается на материале творчества малочисленных народов Севера. Обзорно представлен опыт переводов стихотворений Есенина вепским поэтом Николем Абрамовым на родной язык. Его переводы отличают точное интонирование оригиналов, метрика и синтаксис есенинского подлинника. Анализируется опыт создания Абрамовым собственных стихотворений («Колдунья», «Боль»), созвучных есенинской «узловой завязи человека с миром природы». Также устанавливаются образно-семантические переключки стихотворений эвенкийской поэтессы В. Даниловой с поэзией С. Есенина на материале ее сборника «Райский ад». Выявляются есенинские мотивы и аллюзии в поэзии юкагира Геннадия Дьячкова на материале посмертных сборников «Я к тебе возвращусь» и «Полет розовой чайки». Отмечается, что есенинские мотивы и образы сыграли большую роль в становлении русскоязычного юкагирского поэта, обогатили его художественные поиски, приобретя новое звучание и смысл.

Ключевые слова: современная поэзия; литература малочисленных народов Севера; Есенин; поэзия вепсов; эвенкийская поэзия; юкагирская поэзия; образ; рецепция; перевод; влияние.

Поэзия коренных малочисленных народов Севера, зародившаяся в 1920-е гг., сформировалась как под влиянием устнопоэтического слова, в частности, песни-импровизации и личной песни, так и под воздействием русской классической поэзии [6]. Поэты-северяне активно переводили произведения А. С. Пушкина, а также заимствовали образы и мотивы его произведений. В 1930–1950-е гг. зачинатели литератур народов Севера выступили в качестве переводчиков произведений Л. Н. Толстого, С. Я. Маршака, А. Гайдара. Работа по переводам проводилась в Институте народов Севера в содружестве с Ленинградским детским издательством и стала для первых писателей Севера школой писательского мастерства.

Следует сказать, что активизация рецепции того или иного автора в национальных литературах определяется стадийными особенностями их развития. Так, современники чаще всего обращаются к переводам русской классики не только с целью «сближения» литератур в рамках культурного диалога, но и для развития родного языка («перевожу, потому что хочу оставить звучание языка будущим поколениям», — говорит в одном из интервью поэт и переводчик А. Антонова [7]). Поэтому начиная с 1990-х гг. литература коренных народов стала выполнять «охранительную» для аутентичной культуры функцию.

Перевод русской классики на языки северян однозначно способствуют сохранению национальной культуры. Так, переводы стихотворений С. А. Есенина, сделанные известным вепским поэтом Николаем Абрамовым, создают образ мира, созвучный национальным представлениям северного народа, которому очень близка есенинская «узловая завязь человека с миром природы». Озеро, береза, рябина, журавли — образы, частотные для поэзии Николая Абрамова. «*Ами jo kurgiden ei kulu änid, Sambuškanz' minun-ki äin* («Уже давно не слышен крик журавлей, угасает и мой голос») — строки из стихотворения Абрамова «*Tänambei lumen jo lükkiškantz' taivaz...*» («Сегодня небо стало бросать на землю снег»). По словам писателя А. Мишина, интонация русского поэта на языке вепсов «передана достаточно точно» [4]. Поэзия Абрамова восходит к фольклорной поэтике с характерными для нее простотой стиля, повторами, напевностью. При переводе он сохраняет рифмовку, метрику и синтаксис подлинника: «*Oled midä nähnu?/Midä oled kulnu?/ Kutä küllän taga / Guleimaha tulnu.../ (Или что увидел, / Или что услышал / Словно за деревню / прогуляться вышел)*». В абрамовском стихотворении «Колдунья» (литературный перевод Олега Мошникова) ощутима есенинская интонация: «*Черным омутом зыбь полнолунья, / Злая изморозь травы ожгла... / Мне в глаза заглянула колдунья / И в леса за собой увела. / Вышит звездами озера Нево / Сарафан... Но под тяжестью звезд / Оборвался мой шелковый невод / Заскулил виновато мой пес / Ливни-волосы — горькое счастье — / Напоили меня допьяна / Я зову тебя ласково — Настя / Я в ночи не жалею огня! / За луной из озерной оправы / Камнем в черную воду упасть!.. / Руки-лебеди, волосы-травы / Немудреную путают снасть. / Зарекись... Но по первой пороше, / Повинуясь желанию вновь, / В Нево-озеро сети заброшу / На погибель свою и любовь!*» [5].

В аспекте изучения проблемы переключек, прямых и скрытых цитат, связывающих творчество коренных народов Севера с русской классической поэзией, уместно обратиться к творчеству русскоязычной эвенкийской поэтессы Варвары Даниловой, выпускницы «Высших литературных курсов» Литературного института им. М. Горького, лауреата всероссийского конкурса чтецов им. В. Яхонтова, почитательницы таланта С. Есенина.

В произведениях поэтического сборника В. Даниловой «Райский ад» (2005) соприкасаются русская и эвенкийская культуры; мировоззрение поэтессы определяют православие и язычество. Прямые аналогии между творчеством поэтов, разделенных временем и национально-культурной принадлежностью, неуместны, но диалог В. Даниловой с С. Есениным очевиден. Есенинская религиозно-философская лирика оказалась созвучна ощущениям новокрещенной эвенкийки из Якутии.

В содержании религиозной образности стихотворений Даниловой, как и у Есенина, преобладает не церковный канон, а эмоции. Один из способов открытия Бога — откровение, которое в поэзии воплощено в мотиве мгновенного прикосновения к тайне. В лирическом тексте поэт чаще всего отождествляется со своим лирическим героем, что позволяет воспринимать метафизическое как свойство человеческого сознания. Метафизичность — одно из устойчивых свойств поэзии, особо востребованное в переломные для

духовного сознания эпохи. И именно в метафизическом подчас ощутим залог духовного спасения.

Метафизическая проблематика у В. Даниловой реализуется в мотиве выхода за пределы суетной повседневности. В ее поэзии лирическая героиня и объект, и субъект, и «тварь сотворенная», и сам Творец. *«Два Бога родились — Два мира / Добро и Зло — два брата / И одна Любовь. / Как две частицы, слитые Ураном, / то будут звезды и века, / И я — Твой Дух святой / И космос душ бессмертных. / Я подарю Тебе дыханье неба. / Я подарю тебе Любовь и Веру. / Сама окутаюсь в белейшие одежды, / чтобы венец Свободе возложить!»* [1, с. 54]. В этом стихотворении изображается метафизика Любви, суть которой в искании Высшего Начала, «человеческо-божественного» чувства. Духовная составляющая поэзии В. Даниловой способна возвести читателя от существующего к Сущему: *«Когда уйду я в мир иной, / Где правит разумом весна, / И на весах лежит покой / Телесной оболочки душ. / Войду незримо в райский сад, / Где Бог определит мой ад. / Он даст мне все: / И райский слух, и райский взгляд, и райский нюх. / Одарит все любить, простить / И после солнца слез не лить. / Где после снега будет дождь, / Как в детстве — теплый и грибной. / Но словно совесть всех утех, / Что в жизни называлась грех / Березка будет в том саду — / Желанная как та весна, которая теперь со мной... / Я буду грызть ее кору... / И будет горечь, как изгой... / И будет вечен райский сад, / Где Бог определит мой ад»* [1, с. 57].

У В. Даниловой столь знакомые есенинские сквозные образы — черемуха, береза, осень, луна — обогащаются традиционной символикой малой родины. Для Даниловой — это село Синск, освященное библейским образом Креста: *«Село отмечено крестом / Двух речек — Синей и Протокой, / И кружит над скалой высокой / Черемуховый дух густой»* («Крест») [1, с. 37]. Не исключено, что текстом-источником для данного стихотворения послужили есенинские строки *«Село! В душе моей покой... / И в небе темно-голубом сам бог витает над селом /* («Село») [3, т. 2, с. 173].

Излюбленный у русских поэтов образ осени в поэзии В. Даниловой имеет семантику греховности. В ее стихотворении «Черный гость» (есенинская аллюзия!) зарождаются образы сумеречного московского августа, «кончины дня», воскресшей луны. В другом стихотворении появляется ассоциативный ряд — осень, луна, греховность и мучительная расплата Там за наши земные грехи: *«За дымкой облака — луна — / Неверной осени подруга. / Сегодня стоим мы друг друга — / Ты — не один, я — не одна... / Все растворяется в годах — / Любовь, неверность, ложь, разлука... / Все это шалости и мука — / На небе — дымных облаках»* [1, с. 41]. Так своеобразно есенинская пасторально-идиллическая и молитвенная традиции преломились в творчестве эвенкийской поэтессы.

Лирика С. Есенина дала толчок современной эвенкийской поэзии к освоению классического жанрового наследия. Так, переводы посланий Есенина способствовали развитию этого жанра в эвенкийской поэзии. В газете Ассоциации коренных народов Севера Якутии «Илкэн» были опубликованы разнообразные стихотворные послания В. Даниловой: послания-акrostихи,

послания-посвящения, дружеские послания. Обращение к русской поэзии на таком уровне — очевидное новаторство в эвенкийской поэзии, укорененной в традициях устнопоэтического слова и гражданской поэзии.

Интересен опыт обращения к есенинскому поэтическому наследию у юкагирского поэта Геннадия Дьячкова (1946–1983). В его посмертные сборники «Полет розовой чайки» (2004), «Я к тебе возвращусь» (2014) включены стихотворения, в которых очевидны есенинские мотивы и аллюзии. Геннадий Дьячков ушел из жизни внезапно, остались воспоминания его близких и друзей, письма к родным, ничего неизвестно о его личных заметках. Но, как свидетельствуют его сестры — Галина и Ирина, одноклассники и педагоги, он много читал. Любовь к поэзии привела его в стены филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где Г. Дьячков познакомился с есенинской поэзией, мотивы и образы которой получили рефлексию в становящемся поэтическом творчестве русскоязычного юкагирского поэта.

Дьячков заимствовал образы и мотивы, которые приобрели новый смысл, но не утратили связь с поэтическим источником: его образ березы *«что же ты, береза, раньше пожелтела, / над речным откосом гнешься белым телом? / Листья — запятые, листья многоточья / Медленно роняешь днем и тихой ночью. / Медленно роняешь в зеркала раздумий, / словно доверяешь речке тихой думы...»* [2, с. 55], отсылает нас к есенинской «Березе»: *«на пушистых ветках снежною каймой / распустились кисти белой бахромой / И стоит береза в сонной тишине, / и горят снежинки в золотом огне...»* [3, т. 2, с. 171]. Обогащая лирику юкагирского поэта, есенинская образность становится частью авторской художественной системы.

Близка Дьячкову и есенинская тема возвращения в отчий дом: *«Мой опустевший старый дом, где стены бьют земной поклон...»* [2, с. 78]; ср. у С. Есенина: *«На краю деревни старая избушка, там перед иконой молится старушка...»* [3, т. 2, с. 179], и это возвращение в стихотворении «Матери» неразрывно связано с образом одинокой матери, ожидающей сына из долгих странствий: *«Скрип саней по дорогам вселенной. / Позабывшее детство мое, / где деревья в снегах по колено / продолжают свое житие. / Из другого далекого края / я вернулся, деревня, к тебе /. Но не ждет меня мама седая /, дом заброшен и снег на трубе...»* [2, с. 18]. Можно выявить у Г. Дьячкова и ритмико-синтаксические схождения с поэзией-источником: *«...знаю — большие Вас не встречу, / Уж облетают тополя, / И ежится от холода земля, / листом опавшим укрывая плечи...»* [2, с. 63] (для ср.: *«Я знаю — в жизни счастья нет, / Она есть бред, мечта души больной...»*) [3, т. 2, с. 156–163].

Представленный в статье материал лишь обозначил проблему рецепции русской классической поэзии в произведениях поэтов-северян. Проведенный анализ убеждает в том, что лирическое наследие С. А. Есенина оказало значительное влияние на поэзию малочисленных народов севера. Есенинские образы и мотивы оказываются в инонациональной среде и обретают самостоятельное бытие. Рецепция творчества Есенина национальными по-

этами — процесс сложный, включающий в себя переводы, заимствования и взаимодействия в рамках проблемы «традиция — новаторство».

Литература

1. Данилова В. В. Райский ад. Якутск: Бичик, 2005. 64 с.
2. Дьячков Г. А. Я к тебе возвращусь. Якутск: Бичик, 2014. 100 с.
3. Есенин С. А. Собр. соч.: в 3 т. М.: Правда, 1983.
4. Мишин А. Вепская литература глазами профессионального писателя [Электронный ресурс]. URL: http://www.vbrg.ru/articles/karelja/vepsy/vepsskaja_literatura_glazami_professionalnogo_pisatelja (дата обращения: 17.08.2016).
5. Мошников О. Э. Нерукотворный памятник» Николая Абрамова [Электронный ресурс]. URL: www.sever-journal.ru/assets/Issues/2016/ (дата обращения: 27.08.2016).
6. Огрызко В. В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера: в 2 т. М.: Литературная Россия, 1998–1999.
7. Учит жизни на родном, саамском: интервью Александры Антоновой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tv21.ru/news/2012/01/10/?newsid=40395> (дата обращения: 20.08. 2016).

MODERN POETRY OF INDIGENOUS SMALL-NUMBERED PEOPLES OF
THE NORTH: THE EXPERIENCE OF S. YESENIN'S CREATIVITY
RECEPTION

Yuliya G. Khazankovich

Dr. Sci. (Philol.), A/Prof.,

Ammosov North-Eastern Federal University,
46 Kulakovskogo St., Yakutsk 677000, Russia

The article considers the problem of Sergey Yesenin's creativity reception based on the works of indigenous small-numbered peoples of the North. The experience of translating Yesenin's poems by the Vepsian poet Nikolay Abramov into his native language is reviewed in detail. His translations are characterized by precise intonation of the originals, metrics and syntax of Yesenin's original version. The experience of creating by Abramov his own poems («Witch», «Pain»), congruent to Yesenin's "human close bonds with the natural world" is analyzed. We also have defined imaginative and semantic similarity of the poems by Evenk poetess Varvara Danilova and Yesenin's poetry based on the materials of her collection «Paradise Hell», and identified Yesenin's motifs and allusions in the posthumous collections «I will return to you» and «Flight of a Pink Gull» by the Yukaghir poet Gennady Dyachkov. *Keywords:* modern poetry; literature of indigenous small-numbered peoples of the North; Yesenin; poetry of the Vepsians; Evenk poetry; Yukaghir poetry; image; reception; translation; influence.